

УДК 332.13
ББК 65.9(3)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ЮЖНОГО МАКРОРЕГИОНА ¹

В.В. Селютин, А.В. Ушканов

Рассматриваются основные социально-экономические тенденции в регионах Юга России в современный период. Подчеркивается, что при региональном стратегическом планировании недоучитывается фактор человеческого капитала, который для республик Северного Кавказа является определяющим. Даются некоторые рекомендации по совершенствованию стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, региональная экономика, человеческий капитал, ЮФО, СКФО.

HUMAN CAPITAL AND THE STRATEGY OF THE DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN MACROREGION

V.V. Selyutin, A.V. Ushkanov

The basic social and economic tendencies in the regions of the South of Russia in the contemporary period are studied. It is emphasized that during the regional strategic planning the factor of the human capital is underestimated that is determining for the republics of the Northern Caucasian. The recommendations for the improvement of the strategic planning are given.

Key words: strategic planning, regional economy, human capital, Southern federal district, Northern Caucasian federal district.

К Южному макрорегиону в последние годы принято относить субъекты ЮФО и СКФО, большинство из которых составляют республики Северного Кавказа. Несмотря на то, что территориально ЮФО и СКФО образуют единое геополитическое пространство между тремя морями, омывающими южные рубежи России, их социально-экономические и этнодемографические характеристики, как и проблемы, требующие решения, существенно различаются. В силу этого должны отличаться цели, задачи и способы их решения, применяемые в рамках государственной региональной политики.

С учетом этого обстоятельства попытки сформировать единую стратегию социально-экономического развития Юга России заведомо обречены на неудачу, что и показывает негативный опыт как завершенных, так и действующих федеральных целевых программ.

Критические замечания в отношении применяемых в настоящее время подходов к региональному стратегическому планированию, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, ранее изложены в работах сотрудников ЮНЦ РАН [3–5; 9; 10]. Различного рода критика содержится и в работах других исследователей. Приведем в качестве иллюстрации цитату из недавнего доклада коллег из Института географии РАН [1]:

«Известно, что во многих случаях областные и городские стратегии разрабатываются скорее "для галочки". Многие российские коммерческие консалтинговые организации быстро создали для этого шаблоны и поставили "производство" стратегий на поток. Это отчетливо прослеживается при знакомстве со стратегиями разных регионов, изготовленных одной организацией. В некоторых стратегиях есть правильные теоретические положения, но практические рекомендации выглядят далекими от действительности. Авторы стратегий, как правило, не предлагают конкретных рецептов, технологий и механизмов достижения целей и решения поставленных задач».

Чтобы не быть голословными, обратимся к некоторым цифрам, характеризующим экономическую динамику субъектов Южного макрорегиона и свидетельствующим о низкой эффективности государственной региональной политики.

Индекс валового регионального продукта. Интегральной характеристикой относительного уровня экономического развития регионов может служить индекс ВРП, рассчитываемый как отношение душевого ВРП субъекта к душевому ВРП по сумме регионов России. В таблице 1 данный показатель приведен для условно стартового периода 2000–2002 гг. и посткризисного периода 2010–2011 годов.

Индекс ВРП в регионах ЮФО и СКФО в 2000–2011 гг.

Субъекты	Показатели		
	Индекс ВРП, 2000–2002	Индекс ВРП, 2010–2011	Среднее абсолютное отклонение индекса ВРП
Южный федеральный округ	0,606	0,632	0,026
Республика Адыгея	0,301	0,401	0,047
Республика Калмыкия	0,456	0,318	0,056
Краснодарский край	0,694	0,743	0,045
Астраханская область	0,675	0,538	0,052
Волгоградская область	0,615	0,618	0,024
Ростовская область	0,525	0,574	0,024
Северо-Кавказский федеральный округ	0,363	0,358	0,023
Республика Дагестан	0,245	0,357	0,043
Республика Ингушетия	0,153	0,189	0,028
Кабардино-Балкарская Республика	0,421	0,336	0,046
Карачаево-Черкесская Республика	0,345	0,338	0,027
Республика Северная Осетия – Алания	0,346	0,390	0,019
Чеченская Республика	Нет сведений	0,212	0,021
Ставропольский край	0,494	0,452	0,047

Примечание. Рассчитано авторами по данным ФСГС [6; 7].

Таблица 2

Тенденции изменения индекса ВРП в субъектах ЮФО и СКФО в 2000–2011 гг.

Регионы	Показатели	
	Коэффициент корреляции	Линейный тренд, % в год
Южный федеральный округ	0,30	0,28
Республика Адыгея	0,83 *	1,08
Республика Калмыкия	-0,60	-1,30
Краснодарский край	0,27	0,42
Астраханская область	-0,77	-1,41
Волгоградская область	0,27	0,17
Ростовская область	0,61	0,54
Северо-Кавказский федеральный округ	0,71	0,41
Республика Дагестан	0,85	1,22
Республика Ингушетия	0,72	0,59
Кабардино-Балкарская Республика	-0,75	-1,02
Карачаево-Черкесская Республика	-0,01	-0,01
Республика Северная Осетия – Алания	0,64	0,50
Чеченская Республика	0,79 **	0,89
Ставропольский край	-0,67	-0,64

Примечания:

* Полужирным курсивом выделены тренды, статистически значимые на 5 %-м уровне.

** 2005 – 2011 гг.

Рассчитано авторами по данным ФСГС [6; 7].

В таблице 2 представлены показатели динамики индекса ВРП. В первом столбце приведены коэффициенты корреляции с осью времени (2000 – 2011 гг.), позволяющие оценить направление и значимость трендов. Величины линейных трендов (угловых коэффициентов в уравнении регрессии) даны во втором столбце.

Статистически значимые позитивные тренды имели место в северокавказских республиках с низкими стартовыми позициями – Дагестане и Ингушетии (см. рис. 1). В большинстве других субъектов Юга России произошло либо относительное снижение по сравнению с другими регионами России, либо их позиции за рассматриваемый период изменились незначительно (см. рис. 2–3).

Среднее абсолютное отклонение (см. табл. 1) позволяет судить о величине межгодовой изменчивости данного индекса.

Следует принимать во внимание, что ВРП несколько микширует реальную картину, так как включает бюджетные трансферты. Так, в 2011 г. в структуре ВРП Ингушетии и Чечни на долю преимущественно бюджетных секторов (здравоохранение, образование, государственное управление) приходилось соответственно 42,6 % и 34,2 %, Калмыкии – 24,9 %, в то время как в целом по регионам РФ данный показатель составил 11,3 %.

Бюджетные трансферты. Серьезной проблемой является высокий уровень дотационности южных регионов, хотя эта проблема не столь однозначна. В таблице 3 приведены данные, показывающие, что Волгоградская и Астраханская области, в которых развита добыча или переработка нефти и газового конденсата, имеют максимальный налоговый потенциал и приносят в налоговую систему больше, чем формируется в доходной части бюджета. В то же время такие республики, как Ингушетия, Чечня, Дагестан и Карачаево-Черкесия остаются глубоко дотационными. Тогда как индекс бюджетных расходов, зависящий главным образом от демографических характеристик территорий, различается сравнительно мало, налоговый потенциал экономически слаборазвитых республик в 2–3 раза ниже, чем в соседних регионах. Легко убедиться, что индекс налогового потенциала хорошо коррелирует с индексом ВРП, коэффициент корреляции равен 0,92.

Таким образом, несмотря на значительные бюджетные ресурсы, направляемые на развитие экономики и социальной сферы субъектов ЮФО, и особенно СКФО, радикальных положительных сдвигов в сторону снижения уровня дотационности и выравнивания социально-экономического положения территорий добиться не удалось [2]. Более того, ситуация в неко-

торых регионах даже ухудшилась. Многие амбициозные проекты остаются на бумаге, как, например, создание туристических кластеров на Северном Кавказе.

Социальные проблемы. Помимо экономических и финансовых показателей, существуют и другие индикаторы, характеризующие общий уровень социально-экономической напряженности. Важнейшим из них является уровень безработицы. Так, уровень общей безработицы в 2012 г. в Ингушетии составил 47,1 %, в Чечне – 28,8 %, в Калмыкии – 15,9 %, в Дагестане – 12,2 %.

Дополнительным индикатором может служить вектор миграционных потоков. В 2012 г. миграционной убылью населения характеризовались 5 из 7 субъектов СКФО (за исключением Ставропольского края и Ингушетии). В ЮФО отрицательное сальдо миграции сложилось в депрессивной Калмыкии, Волгоградской и Астраханской областях. Напротив, наиболее привлекательной для мигрантов территорией на юге России на протяжении длительного времени является Краснодарский край. В 2012 г. вследствие миграции население края увеличилось на 46,3 тыс. человек.

Проблема недоучета фактора человеческого капитала. Ключевым остается вопрос – почему в экономическом отношении республики Северного Кавказа столь значительно уступают соседним регионам? На наш взгляд, одна из основных причин лежит не в экономической, а в социокультурной плоскости. Это сознательное культивирование и поддержание архаичного хозяйственного и социального уклада под предлогом сохранения национальных традиций и поддержки традиционных конфессий.

Для таких регионов характерны либо монотничность, либо крайне низкий процент населения нетитульных национальностей. В наибольшей степени сказанное относится к Ингушетии, Чечне и Дагестану, в меньшей – к другим республикам ЮФО и СКФО. Исключение, в силу особенности территориального расположения и этнического портрета населения (русские – более 60 %), составляет Адыгея.

Вышеуказанные республики резко выделяются моделями семьи и демографического поведения. Коэффициент рождаемости в Чечне в 2012 г. составил 25,9 промилле, в Ингушетии – 22,6, в Дагестане – 19, в то время как в Ростовской и Волгоградской областях – 11,7, в России – 13,3 промилле. В то же время многодетные семьи плохо вписываются в современную концепцию мобильности трудовых ресурсов. В отсутствие достаточного количества привлекательных для молодежи рабочих мест опережающий демографический рост является не

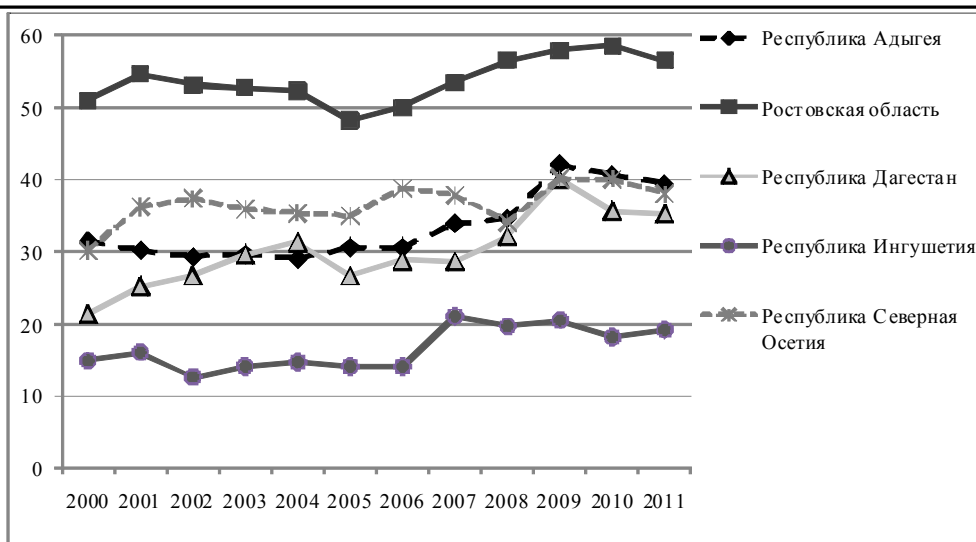

Рис. 1. Регионы с тенденцией роста индекса ВРП

Примечание. Составлено авторами.

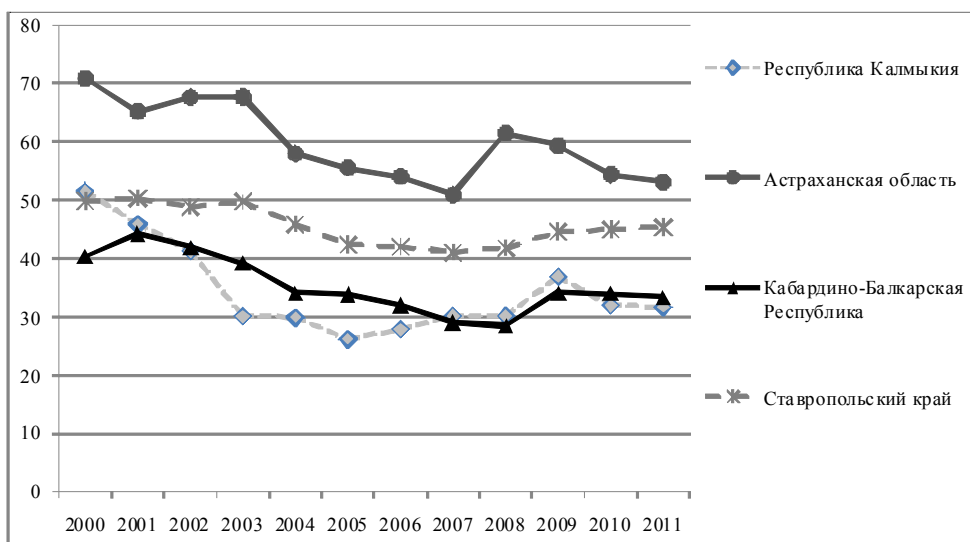

Рис. 2. Регионы с тенденцией снижения индекса ВРП

Примечание. Составлено авторами.

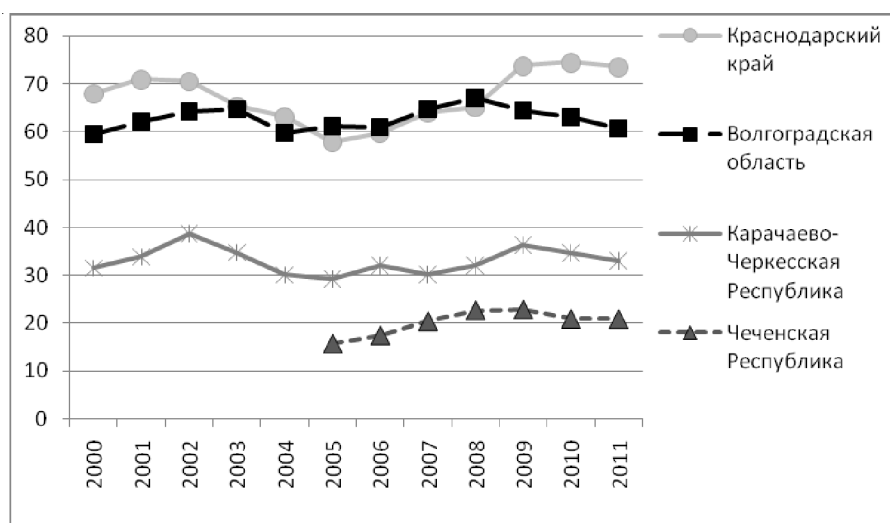

Рис. 3. Регионы с невыраженной тенденцией изменения индекса ВРП

Примечание. Составлено авторами.

Показатели бюджетной обеспеченности регионов Юга России в 2012 г.

Регионы	Показатели				
	Отношение собранных налогов к доходам бюджета	Индекс налогового потенциала	Индекс бюджетных расходов	Уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций	Уровень бюджетной обеспеченности после распределения дотаций
Республика Адыгея	0,48	0,335	0,823	0,408	0,624
Республика Калмыкия	0,48	0,350	0,833	0,420	0,626
Краснодарский край	0,81	0,632	0,831	0,760	0,790
Астраханская область	1,30	0,662	0,779	0,850	0,868
Волгоградская область	1,13	0,688	0,823	0,836	0,857
Ростовская область	0,88	0,511	0,837	0,611	0,659
Республика Дагестан	0,27	0,227	0,838	0,271	0,606
Республика Ингушетия	0,13	0,103	0,794	0,129	0,587
Кабардино-Балкарская Республика	0,36	0,318	0,747	0,425	0,626
Карачаево-Черкесская Республика	0,27	0,313	0,903	0,347	0,616
Республика Северная Осетия – Алания	0,37	0,299	0,826	0,361	0,618
Чеченская Республика	0,13	0,206	0,806	0,255	0,604
Ставропольский край	0,75	0,450	0,834	0,539	0,641

Примечание. Составлено по данным Минфина РФ [8].

благом, а источником дополнительной социальной напряженности.

Серьезной проблемой республик является качество человеческого капитала. Этот фактор является определяющим при принятии инвестиционных решений. Речь идет об уровне образования, трудовой мотивации, способности к коммуникации. При низком уровне и качестве человеческого капитала инвестиции, особенно в высокотехнологичные сектора экономики, не дают отдачи.

В то же время в некоторых республиках довольно значительная часть населения не владеет русским языком. Так, по итогам переписи населения 2010 г., среди аварцев, наиболее многочисленного из народов Дагестана, 10 % не владеют русским языком. Среди дидойцев русским языком не владеет почти каждый четвертый.

Высокий уровень экономических и социальных рисков, сохраняющийся в республиках, проблемы обеспечения комфортной социальной среды и личной безопасности создают непреодолимый барьер на пути притока частных инвестиций и развития инновационного бизнеса.

Представляется, что сложность решения социально-экономических проблем республик в значительной степени определяется этни-

ческим фактором. В полиэтничных регионах, где нет доминирования так называемых титульных наций, в силу мультикультурности выше уровень толерантности и легче проводить политику экономической и социокультурной модернизации.

Главная задача, которую предстоит решить на Северном Кавказе, состоит в том, как разорвать замкнутый круг: частные инвестиции нуждаются в благоприятном инвестиционном климате, безопасности бизнеса, личной безопасности. Благоприятный инвестиционный климат, в свою очередь, не возникает сам по себе, а является следствием развития экономики, инфраструктуры, социальной среды, человеческого капитала. Однако на сегодня, в условиях высоких рисков для частного бизнеса, в том числе реальной угрозы со стороны радикальных исламистских движений, практически единственным фактором развития республик остаются бюджетные трансферты и инвестиции госкорпораций.

По мнению автора, основными условиями повышения эффективности региональных стратегий развития и целевых программ на Юге России являются:

– системность предусматриваемых мер и мероприятий, в том числе необходимость одно-

временного осуществления политических, институциональных и экономических решений;

— согласованность проводимых мероприятий в разрезе территорий;

— концентрация финансовых средств на приоритетных направлениях и проектах;

— прозрачность принятия решений по государственной поддержке и механизмов финансирования и контроля реализации проектов;

— наличие обоснованной и адекватной поставленным целям системы индикаторов.

Главным результатом реализации программных мероприятий должна являться положительная динамика основных индикаторов, характеризующих социально-экономическое положение регионов. С учетом более низких стартовых показателей территорий, входящих в состав Южного макрорегиона, эта динамика должна опережать российские темпы, в противном случае сложившийся разрыв будет только возрастать, что и наблюдается для отдельных субъектов.

Улучшение социальных показателей и снижение социальных и политических рисков, в свою очередь, способствуют притоку частных инвестиций, то есть существует положительная обратная связь, усиливающая как негативные, так и позитивные процессы. Поэтому важный эффект, который может быть достигнут при реализации программно-целевого подхода, заключается в улучшении инвестиционного климата и снижении инвестиционных рисков.

Очевидно, что социальный эффект должен проявиться вслед за улучшением экономических показателей. Поэтому в качестве приоритетных направлений экономической активности должны выбираться те, которые имеют кумулятивный, мультипликативный, синергетический и долгосрочный эффекты.

Помимо традиционных экономических и финансовых критериев, для моно- и полиэтничных регионов необходима разработка дополнительных индикаторов, учитывающих этносоциальную составляющую экономических процессов и институциональных преобразований.

Примечание

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 00-13-20 «Современное состояние и сценарии развития Северного Кавказа» Программы фундаментальных ис-

следований Президиума РАН № 32 «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного региона в условиях роста напряженности».

Список литературы

1. Колосов, В. А. Взаимодействие и сотрудничество в стратегиях развития приграничных регионов России и Украины / В. А. Колосов, М. В. Зотова. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://ukgos.ru/2013/09/20/взаимодействие-и-сотрудничество-в-ст/> (дата обращения: 12.09.2013). — Загл. с экрана.

2. Матишов, Г. Г. Социально-экономическая неоднородность и неравномерность развития южных регионов: проблемы и перспективы выравнивания / Г. Г. Матишов, В. В. Селютин // Проблемы социально-экономического и этнополитического развития Южного макрорегиона. — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. — С. 147–173.

3. Митрофанова, И. В. Федеральные целевые программы межрегионального класса как инструмент управления макрорегионом: реалии и перспективы модернизации / И. В. Митрофанова // Региональная экономика: теория и практика. — 2007. — № 3. — С. 2–14.

4. Митрофанова, И. В. Совершенствование технологий стратегического программирования развития Южного макрорегиона / И. В. Митрофанова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2009. — № 9. — С. 51–60.

5. Митрофанова, И. В. Анализ и пути модернизации стратегического территориального менеджмента в южных регионах России / И. В. Митрофанова // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2012. — № 2. — С. 16–22.

6. Национальные счета России в 2000–2007 гг. : стат. сб. / Росстат. — М., 2008. — 213 с.

7. Национальные счета России в 2005–2012 гг. : стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 364 с.

8. Официальный сайт Министерства финансов РФ. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/budget/regions/index.php> (дата обращения: 12.08.2013). — Загл. с экрана.

9. Селютин, В. В. Стратегическое планирование развития Северного Кавказа: необходимость модернизации подходов и методов / В. В. Селютин // Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: междисциплинарный синтез : тезисы Всерос. науч. конф. (28–29 сент. 2010 г., г. Ростов-на-Дону). — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 275–278.

10. Селютин, В. В. Необходимость системного подхода к анализу причин, сценариев и путей решения проблем Северного Кавказа / В. В. Селютин // Системный кризис на Северном Кавказе и государственная стратегия развития макрорегиона : материалы Всерос. науч. конф. (13–15 сент. 2011 г., г. Ростов-на-Дону). — Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. — С. 22–25.